

КОНТЕКСТУАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА АСКРИПЦИЙ ЗНАНИЯ*

Вострикова Екатерина Васильевна – кандидат философских наук, исследователь.
Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2;
e-mail: katerina-vos@mail.ru

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, исследователь.
Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2;
e-mail: kusliy@iph.ras.ru

В статье рассматривается подход семантического контекстуализма к объяснению условий истинности аскрипций знания, т.е. сообщений типа «S знает, что P». Выявляется релевантность контекстуалистской проблематики в области философии языка по отношению к проблемам эпистемологии добродетелей: установление корректных условий истинности аскрипций знания представляется как одна из фундаментальных задач эпистемологии добродетелей. При этом проблематика условий истинности аскрипций знания исследуется не применительно к проблеме Геттиера, а в свете контекстуалистского ответа радикальному скептицизму относительно знания. Показано, что, несмотря на значимые преимущества над конкурирующими концепциями, контекстуализм (на примере некоторых репрезентативных теорий) требует дополнительного уточнения. На основе сформулированной критики предложена новая версия контекстуалистской семантики для аскрипций знания.

Ключевые слова: контекстуализм, знание, субъектно-чувствительный инвариантизм, сообщения о пропозициональных установках, семантика, философия языка

CONTEXTUALISM AND THE PROBLEM OF KNOWLEDGE ASCRIPTION

Ekaterina V. Vostrikova – Csc in Philosophy, Researcher. Interregional Non-Governmental Organization “Russian Society for History and Philosophy of Science”.

The paper explores the contextualist approach towards the semantics of knowledge ascriptions. The authors discuss the relevance of these studies in semantics for the major issues in virtue epistemology. It is argued that despite the advantages that contextualism has over its alternatives (in particular, relativism and subject sensitive invariabilism), it still requires a more elaborated compositional semantics that it currently has. We review several

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00496 «Семантическая структура пропозициональных установок сознания».

1\36 Lyalin Lane, bd.2, 105062,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: katerina-vos@mail.ru

Petr S. Kusliy – Csc
in Philosophy, Researcher.
Interregional
Non-Governmental
Organization "Russian Society
for History and Philosophy
of Science".

1\36 Lyalin Lane, bd.2, 105062,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: kusliy@iph.ras.ru

concrete contextualist proposals to the semantics of the verb *know* in light of their applicability to the well-known type of examples known as the fake barn example, point out some of their particular shortcomings, and propose a revision, which represents a variant of D. Lewis's general approach to the semantics of *know*.

Keywords: contextualism, knowledge ascriptions, semantics, philosophy of language

Введение

Природа пропозиционального знания была и остается одной из главных философских проблем, которая воспроизводится в различных философских направлениях, ширя, тем самым, сферу междисциплинарного взаимодействия, как внутри самой философии, так и между философией и другими дисциплинами. В одной из областей этого междисциплинарного пространства встречаются эпистемология добродетелей (ЭД) как альтернативный подход, рассматривающий эпистемологию как нормативную дисциплину [Gresco and Turri, 2019], и формальная семантика (ФС) как направление в теоретическом языкознании, применяющее формальный аппарат логической семантики для анализа структуры смысла естественно-языковых выражений [Partee, 2011; Вострикова, Куслий, 2016]. Для обеих дисциплин структура содержания аскрипции знания (т.е. выражения типа «S знает, что P») представляет фундаментальный интерес. Для ЭД понимание природы знания необходимо для выявления тех добродетелей, которые необходимы субъекту для того, чтобы достигать знания [Sosa, 1991]. Для ФС аскрипции знания представляют особый случай сообщений о пропозициональных установках, проблематизированных, как в общем, так и в этом частном виде, уже в работах основоположника логической семантики Г. Фреге [Фреге, 2000].

Проблема Геттиера [Геттиер, 1998], как известно, дала значительный стимул для развития новых подходов в эпистемологии и, в частности, обусловила становление ЭД [Касавин, 2019]. Геттиер показал, что для того, чтобы считаться знанием, истинному верованию недостаточно быть просто обоснованным: обоснование должно быть «неслучайным» и не должно опираться на заблуждения. Какое именно обоснование является неслучайным и легитимным для знания – вопрос дискуссионный и активно исследуется в области

эпистемологии и философии языка. Именно в этой области лежит непосредственная концептуальная связь между теорией языка и ЭД.

В данной статье мы представим экспозицию концепций по объяснению семантики аскрипций знания с акцентом на контекстуализме. Мы рассмотрим исходные мотивы для формулировки этой концепции, ее основные аспекты, а также некоторые теории, представляющие непосредственную реализацию этого общего подхода. Мы выявим недостатки этих теорий и предложим способы их исправить. Результатом данного обсуждения станет описание обновленной теории контекстуализма в семантике.

Эпистемический скептицизм и контекстуалистский подход к обоснованию знания

Эпистемический скептицизм – это известная как минимум со времен Декарта позиция о том, что достоверное знание тех или иных эмпирических истин (или основанных на них абстрактных истин) невозможно. Свидетельства, подтверждающее утверждение о том или ином положении дел, полностью не исключают альтернативных положений дел, которые могут манифестироваться идентичными свидетельствами. Из-за этого никогда нельзя утверждать, что индивид *S* знает, что *P*, на основании свидетельств *Q*. Точнее говоря, многие философы видят проблему в том, что относительно любой (материальной) пропозиции *P*, являющейся истинной и о которой *S* имеет верование в силу свидетельств *Q*, всегда есть возможность осмысленно утверждать, что *S* не знает, что *P* [Cohen, 1999]. Возникает угроза радикального скептицизма, т.е. ситуации, в которой ни о какой материальной истине нельзя всерьез сказать, что какой-либо индивид ее знает.

С другой стороны, высказывания типа «*S* знает, что *P*» делаются регулярно и, как кажется, нередко воспринимаются как истинные утверждения. Как это совместимо с описанной выше радикальной скептической аргументацией? Одной из реакций здесь может быть позиция, согласно которой радикальный скептик прав, и мы, действительно, не знаем никаких эмпирических истин, а когда используем или признаем истинными те или иные высказывания типа «*S* знает, что *P*», мы лишь *притворяемся*, что считаем их истинными, тогда как, на самом деле, понимаем, что радикальный скептик прав и в некоем конечном смысле слова «знать» эти регулярно используемые утверждения ложны.

Контекстуализм – один из основных подходов к объяснению того, почему можно, не притворяясь, использовать выражения типа

«S знает, что P», делая при этом истинные утверждения. Коротко говоря, семантика глагола «знать» с точки зрения контекстуализма такова, что его содержание варьируется при переходе от одного контекста употребления к другому [DeRose, 1992; 1995; Cohen, 1987; 1999; Lewis, 1996].

Контекстуалисты приводят разные примеры, иллюстрирующие исходную проблемную ситуацию, объясняемую их подходом. Здесь мы воспроизведем два распространенных примера, взятых из [DeRose 1992] и [MacFarlane 2005], соответственно (см. также [Stanley 2005]).

Пример 1а. Муж и жена едут в машине мимо банка в пятницу во второй половине дня. Они хотели бы положить на счет полученные ими чеки с зарплатой, но видят, что в банке довольно длинные очереди. Муж предлагает сделать это на следующий день утром. Жена говорит, что поскольку следующий день – суббота, то, возможно, банк будет закрыт, так как многие банки не работают по субботам. Муж отвечает: «Я знаю, что банк будет открыт. Я был в нем с субботы две недели назад».

Пример 1б. Та же ситуация с одним отличием: положить зарплатные чеки на счет до понедельника для супружеской пары крайне важно, так как с утра в пятницу они выписали один большой чек и если они в ближайшее время не добавят на свой счет суммы с зарплатных чеков, то в понедельник реципиент чека не сможет получить положенную сумму и супружеская пара окажется в неприятной ситуации. Поэтому важность оказаться в банке до конца недели и положить чеки на счет в данной ситуации гораздо значимее, чем в предыдущей. Муж, как и ранее, предлагает заехать в банк на следующий день, а жена высказывает свое сомнение, спрашивая его: «Ты знаешь, что банк будет работать в субботу?» В этой ситуации для мужа вполне естественно ответить: «Нет, я не знаю этого. Давай лучше сделаем это сегодня».

Допустим, что в обеих ситуациях банк оказывается открытым в субботу. Две версии данного примера призваны показать, что при наличии одних и тех же свидетельств относительно работы банка по субботам для человека вполне естественно сказать, что он знает, что банк будет работать (в 1а), и что он не знает этого (в 1б).

Пример 2а. Приехав в гости, Джо запарковал машину во дворе и вошел в дом. Его свидетельства о том, что его машина запаркована, основаны на его собственном эмпирическом опыте. Про него можно вполне естественно сказать: «Джо знает, что его машина припаркована во дворе».

Пример 2б. Та же ситуация, но говорящий узнает, что район, куда приехал Джо, опасный и известен тем, что в нем постоянно угоняют автомобили. (Ситуацию можно усилить, сказав, что автомобили всех остальных гостей уже украдены и осталась только машина Джо.) На фоне этой информации, как указывает Макфарлейн, вполне

можно утверждать с истинностью: «Джо не знает, что его машина запаркована во дворе»¹.

Контекстуалисты обращают внимание на то, что отличие версий *a* от версий *b* лишь в критериях обоснованности, соответствие которым необходимо для того, чтобы истинное обоснованное верование считалось знанием: в версиях *a* эти критерии слабые, и на их фоне аскрипция знания может считаться истинной, тогда как в версиях *b* они становятся значительно строже, что делает существующие в примере свидетельства недостаточными для приписывания субъекту знания. Для контекстуалистов критерий обоснования – та часть семантического содержания глагола «знать», которая варьируется при переходе от одного контекста к другому, делая аскрипцию знания в ситуациях *a* истинной и ложной в ситуациях *b*. Для контекстуалистов глагол «знать» похож на контекстно-зависимые выражения, такие как «я» (обозначающее не одного индивида, но того, кто его употребляет в текущий момент) или как прилагательные, допускающие степени сравнения (например, «высокий», но не «мертвый»). Ведь такие прилагательные, как «высокий», в разных контекстах употребления могут предполагать разные стандарты высоты (высокий акробат всё ещё может быть низким человеком, а низкий баскетболист – высоким человеком) [Cohen, 1999, p. 60].

Таким образом, контекстуалистский ответ на скептический аргумент заключается в том, что глагол «знать» не имеет некоего раз и навсегда заданного конкретного смысла, который недостижим в большинстве обыденных ситуаций, заставляя нас «притворяться». Содержание глагола «знать» изначально является контекстно-зависимым. Скептический аргумент оказывается неверен, поскольку не учитывает семантическую природу глагола «знать».

Две альтернативы контекстуализму

Помимо контекстуалистского подхода к экспликации семантики аскрипций знания существуют и альтернативные концепции, и, прежде чем рассмотреть конкретные реализации контекстуалистского подхода, мы хотели бы остановиться на этих альтернативах, чтобы, во-первых, представить более полную экспозицию современных исследований этой проблематики, а во-вторых, лучше прояснить некоторые ключевые аспекты исследуемой проблемы.

¹ Пример 2 является разновидностью примера «потёмкинских» амбаров [Goldman, 1976, pp. 772–773; Sosa, 2007].

Субъектно-зависимый инвариантизм

Одной из распространенных альтернатив контекстуализму является так называемый субъектно-зависимый инвариантизм, сторонниками которого являются такие философы как Дж. Стэнли [Stanley, 2005] и Дж. Хоуторн [Hawthorne, 2004]. Уже само название их подхода предполагает оппозицию контекстуализму, указывая на то, что в отношении глагола «знать», данный подход предполагает неизменность (инвариантизм) семантического содержания. Согласно данному подходу, знание того или иного субъекта является функцией изменяющихся интересов субъекта и варьируется с течением времени. Этот подход отличается от контекстуализма потому, что интересы говорящего не релевантны для истинности утверждения о знании. Сторонники СЗИ объясняют примеры типа 1 тем, что в обоих из них у субъекта знания меняются цели (от менее значимых в версии *a* к более значимым в версии *b*), и это заставляет и их, и говорящего по-разному оценивать их отношение к одной и той же пропозиции (как знание в случае *a* и не как знание в случае *b*).

Одна из проблем данного подхода заключается в случаях, когда цели, интересы субъекта и доступные ему свидетельства остаются неизменными в обеих ситуациях, но меняются у говорящего и этого оказывается достаточно для изменения истинностного значения в соответствующей аскрипции знания. Иллюстрацией здесь будет пример 2, где для интересов Джо ничего не изменилось и только говорящий обладает дополнительной информацией, изменяющей истинностное значение аскрипции знания [DeRose, 2004; 2009].

Релятивизм Дж. Макфарлейна

Данный подход стремится занять некую срединную позицию между контекстуализмом и инвариантизмом, решив проблему примеров 1 и 2 контекстуалистскими средствами (через зависимость от контекста), но с возможностью сохранить инвариантность семантического содержания аскрипции знания. Макфарлейн [MacFarlane, 2005] вводит дополнительный контекстуальный параметр, который он называет контекстом оценки, отвечающий за эпистемические стандарты, в которых оценивается содержание предложения. Глагол «знать» оказывается чувствительным именно к контексту оценки. В зависимости от принимаемых стандартов одна и та же аскрипция знания может быть истинной или ложной. Положительным аспектом этого подхода, на наш взгляд, является то, что семантическое содержание этого термина задает именно контекст произнесения (контекст говорящего): если что-то не считается знанием в момент произнесения, то относительно прошлой ситуации аскрипция знания не будет

истинной, даже если в той прошлой ситуации эпистемические стандарты были нестрогими и допускали бы такую аскрипцию. Серьезным недостатком подхода Макфарлейна является отсутствие конкретной композициональной семантики.

Два подхода к реализации контекстуалистского проекта

Подход Д. Льюиса

Одна из наиболее влиятельных версий контекстуалистского подхода к семантическому анализу аскрипций знания была предложена Д. Льюисом [Lewis, 1996]. Анализ Льюиса основан на идее о том, что индивид знает P , только если он может исключить все возможные сценарии, в которых реализуется не- P . Конечно же, в строгом смысле это невозможно. Радикальный скептик всегда может сконструировать возможные варианты устройства мира, при котором мир является таким, каким он дан в доступных для рассматриваемого индивида свидетельствах (под этим словом мы, вслед за Льюисом, понимаем всю совокупность чувственных данных, памяти, логических выводов, на которые может опираться той или иной индивид), обычно принимаемых нами за основание для P , но в котором, однако, P не является истинной пропозицией. Льюис предлагает следующую модификацию этой идеи (1).

- (1) S знает, что P , если и только если свидетельства, доступные S , элиминируют все возможности, где воплощается не P , не считая те возможности, которые мы разумно/обоснованно игнорируем.

Ключевым элементом в данном определении является часть, «не считая те возможности, которые мы разумно/обоснованно игнорируем», именно она отвечает за контекстуалистский аспект семантики. Что может быть такими возможностями, которые мы разумно игнорируем? Например, если я вижу, что у меня есть руки и чувствую их, я могу разумно игнорировать экзотические возможности реализации мира, такие, как «я в матрице», «злой демон обманывает меня». Если я игнорирую эти возможные ситуации, то свидетельства, доступные мне, действительно исключают, что у меня нет рук.

Следует отметить, что данная концепция не является эксплицитной семантикой для глагола «знать». Также Льюис не проясняет, кто и на каком основании решает, какие возможности можно разумно игнорировать. Он лишь дает общие принципы, которые лежат в основе этого решения. Один из таких принципов состоит в том, что мы

не можем разумно игнорировать те возможности, которые актуализировались в реальном мире. Льюис полагает, что именно в этом лежит решение для проблемы Геттиера и других похожих случаях [Lewis, 1996, p. 557]. Один из примеров, которые он рассматривает, – это уже упоминавшийся выше пример с потемкинскими амбарами. Ваня приезжает в деревню и видит амбар. Он не знает, что в этой деревне большинство амбаров являются потемкинскими. Чисто случайно оказывается, что объект, на который Ваня смотрел, был настоящим амбаром. В такой ситуации предложение (2) большинством авторов, работающих в данной области, признается ложным².

(2) Ваня знает, что перед ним амбар.

Объяснение данного случая, с точки зрения Льюиса, состоит в том, что в данной ситуации мы игнорируем одну возможность, игнорировать которую никогда не является разумным и обоснованным, а именно ту возможность, которой является реальный мир, а в реальном мире в описанной ситуации помимо единственного реального амбара имеется и множество бутафорских. Льюисовское определение знания, таким образом, оказывается контекстуалистским, поскольку он предсказывает, что наши суждения относительно таких предложений, как (2), могут меняться в зависимости от рассматриваемой ситуации, так как ситуация определяет, можем мы игнорировать какую-то возможность или нет.

Несмотря на убедительность анализа, сформулированного Льюисом, он подвергается критике. Особенно значимой считается критика, сформулированная Дж. Стэнли [Stanley, 2014]. Льюис указывает на то, что ситуация с принятием или непринятием аскрипций знания похожа на ситуацию с другими контекстно-зависимыми выражениями. В частности, он проводит параллелизм между такими кванторами, как «каждый» и аскрипциями знания [Lewis, 1996, p. 553]. Когда мы говорим: «Каждый студент сдал экзамен», мы не имеем в виду, что все студенты всего мира сдали экзамен, речь идет о каких-то конкретных интересующих нас студентах. Область действия квантора ограничена. Таким же образом наши аскрипции знания ограничены: отбрасываются нерелевантные возможные ситуации. Стэнли указывает на то, что такие кванторы, как «каждый» могут легко менять область действия даже в рамках одного предложения. Пример, иллюстрирующий этот феномен, дан в (3). Данное предложение может быть истинным в ситуации, когда каждый матрос на корабле

² Следует заметить, что квалификация предложения (2) как ложного на протяжении лет подвергалась сомнению некоторыми авторами, начиная с [Milikan, 1984] (см. об этом [DeRose, 2009, 23fn24, 49fn2], а также [Greco and Turri, 2017, p. 13] и цитируемую там литературу, например [Turri, 2016]). В рамках данной статьи мы намеренно уходим от обсуждения данной проблематики.

помахал каждому матросу на берегу. Глагол «знать» ведет себя иначе в этом отношении, и стандарты оценки не могут так свободно меняться в рамках одного дискурса, что иллюстрируется противоречивостью дискурса в (4).

- (3) Каждый матрос помахал каждому матросу.
- (4) #Ваня знает, что у него есть руки, но он не знает, что он не является мозгом в бочке.

Эксплицитный анализ Шаффера и Сцабо

Шаффер и Сцабо [Schaffer & Szabo, 2014] предлагают эксплицитную семантику, в которой воплощается контекстуальный принцип. Авторы берут за основу семантику таких кванторных наречий, как «всегда», сформулированную в работах лингвистов. Значение наречий такого рода зависит от того, куда падает фокус в предложении. Предложения (5) и (6), которые отличаются только тем, какое выражение находится в фокусе (что в нижеприведенных примерах мы обозначим выделением заглавными буквами), имеют не совсем одно и то же значение. Так, (5) можно понять таким образом: «Во всех случаях, когда Ваня провожает кого-то, Ваня провожает балерин», то есть обсуждаемый вопрос здесь это «Кого провожает Ваня?». Предложение же (6) означает «во всех случаях, когда кто-то провожает балерин, Ваня провожает балерин», то есть обсуждаемый вопрос здесь «Кто провожает балерин?».

- (5) Ваня всегда провожает БАЛЕРИН.
- (6) ВАНЯ всегда провожает балерин.

Авторы отмечают, что «знать» ведет себя похожим образом: (7) понимается как «Я знаю, что ответ на вопрос, кто украл алмазы, – это Клэр», а предложение (8) понимается как «Я знаю, что ответ на вопрос, что украла Клэр, – это алмазы».

- (7) Я знаю, что КЛЭР украла алмазы.
- (8) Я знаю, что Клэр украла АЛМАЗЫ.

Стандартный анализ наречия «всегда» рассматривает его как универсальный квантор по возможным мирам, область действия которого ограничивается в зависимости от того, куда падает фокус.

Шаффер и Сцабо предлагают анализировать глагол «знать» сходным образом. Предлагаемое ими значение слова «знать» представлено в (9). Это функция, которая сочетается с пропозициональным аргументом E, с вложенной пропозицией P, с индивидом (кому приписывается знание) и с ситуацией, в которой находится познающий индивид. «Знать» вводит универсальную квантификацию по возможным

мирам, в которых выполняется Р. Квантификация происходит не по всем возможным ситуациям или мирам, а ограничена такими ситуациями, которые совместимы со свидетельствами, полученными индивидом в данной ситуации. Так, например, если индивид обнаруживает отпечатки пальцев, то квантификация происходит только по тем возможным ситуациям, где он тоже находит отпечатки. Далее эта квантификация ограничена двумя пропозициональными выражениями: значением переменной С (переменная приобретает свое значение от функции g , которая приписывает значение переменным) и значением аргумента Е, с которым функция «знать» сочетается (т.е. этот аргумент должен быть дан в синтаксической структуре предложения). Помимо введения квантификации по возможным мирам «знать» также утверждает, что пропозиция, вводимая скрытой переменной С, является истинной в ситуации s . Еще один компонент значения, вводимый «знать», – это требование, что x верит в Р и делает это на основе имеющихся свидетельств.

- (9) $[[\text{знать}C]]_{g,c} = \lambda E.\lambda P.\lambda x.\lambda s.$ каждая ситуация s' такая, что s' совместима с свидетельствами, доступными x в s , где выполняется $g(C)(s')$ и $E(s')$, является ситуацией $P(s')$; и $g(C)(s)$; и x верит в Р (учитывая $g(C)$ и Е) на основе имеющихся свидетельств в s .

Данный анализ ставит своей целью отразить основные свойства знания, известные со времен Платона: для того чтобы знать, что Р, Р должно быть обосновано, индивид должен верить в Р, и Р должно быть истинно в мире оценки. Три конъюкта в (9) отвечают за эти аспекты. Квантификация по возможным мирам отвечает за обоснованность. Здесь вводится требование о том, что свидетельства, полученные индивидом, несовместимы с не-Р.

За истинность отвечает утверждение, что пропозиция, обозначаемая С, должна быть истинна в ситуации. Откуда берется значение для этой переменной С? Шаффер и Сцабо предлагают связать ее с фокусом. Фокус, как мы видели выше, вводит вопрос, который является релевантным в данный момент. Например, это может быть вопрос «Кто украл алмазы?». Такого рода вопросы обычно сопровождаются пресуппозицией, а именно выводом о том, что кто-то украл алмазы. Именно эту пресуппозицию, вводимую фокусом, Шаффер и Сцабо предлагают рассматривать как значение С. Таким образом, в ранее рассмотренном нами предложении (7), где фокус падает на «Клэр», пресуппозиция вопроса – «кто-то украл алмазы». Утверждая, что эта пропозиция должна быть истинной в мире оценки, с точки зрения Шаффер и Сцабо, мы учитываем тот факт, что знание – это истинное мнение.

Еще один элемент в (9), который требует объяснения, является аргумент Е. Цель его введения неочевидна. Они вводят его для того,

чтобы сохранить параллелизм между словом «всегда», которое может сочетаться с аргументами, вводимыми оборотами «когда» и «если», и глаголом «знать». Однако неясно, может ли глагол «знать» модифицироваться какими-то фразами вообще, и, даже если может, неясно, что делать в ситуации, когда такого аргумента нет в предложении. Шаффер и Сцабо пишут о том, что если в явном виде аргумент отсутствует в предложении, то эта аргументная позиция заполняется тривиальной пропозицией и не вносит никакого нагруженного значения в значение целого предложения. Откуда берется эта тривиальная пропозиция, остается непоясненным. Это должна быть какая-то переменная, скрыто присутствующая в логической форме предложения.

В чем преимущества данного подхода? Во-первых, это эксплицитный подход к семантике глагола «знать», который учитывает основные свойства, которыми обладает знание. Во-вторых, Шаффер и Сцабо указывают на то, что данный подход делает верные предсказания относительно невозможности смены контекста при переходе от одного предложения к другому. Так, они предлагают объяснить противоречивость дискурса в (4), демонстрируя, что и квантификационные наречия ведут себя сходным образом. Это проиллюстрировано в (10). Данное предложение тоже не может употребляться для выражения мысли о том, что Клэр никогда ничего не крадет, когда делит добычу с поделщиками, но, когда обворовывает ювелирные магазины, всегда ворует брильянты. «Никогда» и «всегда» в данном случае не могут быть ограничены разными контекстами.

(10) #Клэр никогда ничего не ворует, но она всегда ворует алмазы.

Шаффер и Сцабо полагают, что объяснение и противоречивости (4), и противоречивости (10) состоит в том, что и «знать», и «никогда»/«всегда» являются элементами, чувствительными к вопросам, которые на данный момент находятся в фокусе обсуждения. Вопросы не могут меняться так быстро в рамках одного дискурса.

Рассмотрим также недостатки этого подхода. Во-первых, данный подход не отражает фактивности глагола «знать», т.е. он не учитывает, что вложенная пропозиция должна быть истинной в реальном мире. Пресуппозиции вопроса, которая должна быть истинной в описываемой ситуации, здесь недостаточно. Например, хорошо известным является то, что глагол «знать» требует истинности вложенной пропозиции, даже если он отрицается. Это проиллюстрировано в (11): данное предложение все равно требует, чтобы Ваня курил.

(11) Аня не знает, что Ваня курит.

Более того, если мы допустим, что скрытая переменная, заполняющая первый элемент функции «знать», может получать совершенно произвольное значение, то данный подход неверно предсказывает, что

предложение (8) может иметь значение и быть истинным в ситуации, когда Клэр украла изумруды в реальном мире, а не алмазы. В обеих ситуациях верно, что Клэр что-то украла (за этот аспект значения отвечает переменная S). Нам нужно просто придумать такое значение для первого аргумента функции «знать», которая гарантировала бы, что мы рассматриваем только миры, где Клэр украла алмазы, игнорируя реальный мир. Вот одно из таких возможных значений: [λw . демон подменил все драгоценные камни мира на алмазы в w]. Представим, что я видела, что Клэр выносила из ювелирного магазина объекты, которые я внешне идентифицировала как алмазы (например, я ошибочно думаю, что все зеленые камни – это алмазы). Теперь выполняются все условия, сформулированные Шаффером и Сцабо. Во-первых, я верю, что Клэр украла алмазы на основании доступных мне свидетельств. Во-вторых, во всех мирах, таких, что они совместимы со свидетельствами, доступными мне в реальном мире, и где демон заменил все камни алмазами, Клэр украла алмазы. Клэр что-то украла в реальном мире.

Шаффер и Сцабо могли бы ответить на этот аргумент, сказав, что значение непроизносимого аргумента может быть только тривиальной пропозицией типа [λw . $w = w$]. Здесь возникают две проблемы. Во-первых, неясно, откуда берется такое ограничение. Во-вторых, теряется контекстуалистский аспект семантики, т.е. здесь нет никакого элемента, который бы позволял нашим суждениям о предложениях, приписывающих знание, меняться в зависимости от ситуации. Второй ограничитель по возможным мирам – переменная S – отвечает за другое. Такими образом, предложенная Шаффером и Сцабо семантика налагает слишком сильные условия для обладания знанием, что делает его недостижимым в обыденной жизни или даже науке, так как она требует, чтобы свидетельства, полученные индивидом, абсолютно исключали не- P . Но такого рода свидетельств не существует, ибо всегда можно смоделировать возможную ситуацию, где все свидетельства, полученные индивидом, такие же, как в w_0 , тем не менее выполняется не- P .

Еще одна проблема данной теории состоит в том, что она требует, чтобы у индивида были хорошие свидетельства и чтобы индивид пришел к верованию на основании свидетельств, но она не требует, чтобы это были одни и те же свидетельства³. Так, она допускает, что у индивида есть прекрасные основания сформировать истинное верование, однако он формирует его на совершенно других основаниях, которые мы не считаем достаточными. В такой ситуации мы интуитивно откажем индивиду в знании, однако данная теория предсказывает, что оно у него есть.

³ О важности этого компонента в определении знания см. [Turri, 2011].

Какой должна быть контекстуалистская семантика глагола «знать»?

Контекстуалистская семантика для глагола «знать», которую мы предлагаем в данной статье, основывается на идеях Д. Льюиса с привлечением идей таких теоретиков, как К. Дероуз [DeRose 2009]. Мы предлагаем определение для глагола «знать», данное в (12).

- (12) $\llbracket \text{знать} C \rrbracket_{g,c} = \lambda P. \lambda x. \lambda w: P(w) = 1. x$ верит, что P в w и во всех возможных мирах w' , таких, которые совместимы со свидетельствами, на основании которых x верит в w , и где не выполняются пропозиции, которые относятся к $g(C)$ и которые игнорируются разумно с точки зрения автора в c , выполняется $P(w') = 1^4$.

Основные аспекты этой семантики состоят в следующем. Это функция, которая сочетается с пропозицией (вложенным предложением), индивидуальным аргументом (носителем знания) и ситуацией оценки. Вложенная пропозиция, с которой сочетается глагол «знать», является пресуппозицией предложения, таким образом, требование, что P выполняется, в мире оценки будет присутствовать как в положительной, так и в отрицательной версии предложения, содержащего глагол «знать». «Знать» сопровождается переменной C , значение которой задается в контексте. Это множество пропозиций (каждая из которых обозначает возможность, которую мы разумно игнорируем). Например, это может быть множество пропозиций, обозначаемых предложениями *Мы в матрице; нас обманывает злой демон; мы участники шоу, а все вокруг нас актеры; везде настроены потемкинские амбары* и т.п. Теперь возникает вопрос о том, кто решает, разумно ли игнорировать определенные возможности. Мы, следуя за Льюисом, полагаем, что это решение принимается говорящим, а не субъектом (автором в контексте высказывания c). Мы полагаем, что в случаях, когда важность истинности вложенного предложения для того, кому приписывается знание, велика, то мы склонны рассматривать больше возможностей как те, которые нам не нужно игнорировать (т.е. такие возможности как *банк может поменять свое расписание*). В (12) вводится требование, чтобы именно те свидетельства, на основании которых индивид пришел к верованию, были достаточными.

⁴ Следуя существующей в литературе конвенции, мы в (12) используем запись, согласно которой « $P(w) = 1$ » означает «Пропозиция P истинна в мире w », между значками «:» и «.» вводится пресуппозиция, т.е. условие, выполнение которого необходимо, чтобы выражение в скобках $\llbracket \ ]$ могло быть осмысленным (подробнее об этом см. [Heim and Kratzer, 1998]).

Сравнение с другими типами контекстуализма

Иной тип контекстуализма был сформулирован в работах Джона Греко [Greco 2004; 2009]. Он предлагает философско-языковой анализ аскрипций знания, основанный на его подходе в области эпистемологии добродетелей. Основная идея этого направления исследований состоит в том, что знание может приписываться только тогда, когда истинное верование достигается в результате применения интеллектуальной способности. Таким образом данный подход объясняет, почему наша интуиция говорит нам, что в геттиеровских случаях знание отсутствует, несмотря на истинность верования и его кажущуюся обоснованность. Знание не может быть результатом только удачного стечения обстоятельств; требуется, чтобы истинное верование было добыто индивидом именно в силу приложения способностей/добродетелей.

Тезис, который выдвигает Греко, состоит в том, что сам подход эпистемологии добродетелей уже предполагает семантический контекстуализм. Греко указывает на то, что данный подход утверждает необходимость каузальной связи между применением интеллектуальных способностей индивидом и его приобретением истинного верования. Греко связывает это с интересным наблюдением о семантических свойствах предложений, содержащих отсылку к каузальности, а именно их зависимости от контекста. Например, когда мы говорим, пожар произошел по причине разгильдяйства сторожа, мы не имеем в виду, что разгильдяйство было единственной причиной, а просто, что это было самым значимым фактором в сложившейся ситуации. В качестве объяснения зачастую выбирается то, что является отличающим эту ситуацию от похожих на нее. При этом Греко не предлагает эксплицитной семантики для глагола «знать», поэтому оценить предсказания этой концепции не всегда представляется возможным.

В ситуации с потемкинскими амбарами, объяснение, предлагаемое Греко, состоит в том, что хотя индивид и приходит к истинному верованию, применяя интеллектуальную способность, тем не менее обстоятельства таковы, что применение способностей в полную меру невозможно. Он проводит параллель с умелым игроком в баскетбол, который играет в условиях, которые не позволяют ему в полной мере проявить свои способности. Однако неясно, как данный подход объясняет случаи, когда наши суждения об аскрипции знания меняются в зависимости от важности истинности вложенного предложения для приписывающего или для носителя знания. И в том, и в другом случае верование достигается посредством получения некоторой информации, т.е. применяя интеллектуальные способности, просто в одном из случаев мы рассматриваем эту информацию

как недостаточную. Греко указывает на важность окружающей среды для оценки того, какую роль сыграло именно применение интеллектуальных способностей. Объясняя понятие способностей и их применения, Греко апеллирует к понятию близких или релевантных возможных миров, а то, как мы выбираем нужные миры, зависит от контекста, рассматриваемой ситуации, практических интересов. Но в таком случае контекстуалистская работа, как и в подходе Д. Льюиса, делается через ограничение на те возможные миры или ситуации, с которыми мы сравниваем познавательную ситуацию индивида. В конечном счете, предсказания, которые будут делать две теории, невозможно будет различить в силу их схожести в ключевом вопросе о том, что отвечает за контекстуалистский аспект теории. Различие между двумя теориями будет сводиться к тому, говорим ли мы о том, что субъект «верит на основании свидетельств» или «субъект верит, применяя интеллектуальную способность». Истинность же аскрипции будет зависеть от того, какие миры мы будем выбирать и отбрасывать, выражая идею о том, что эти свидетельства или это применение способности гарантирует получение истины.

Заключение

В данной статье мы исследовали философско-языковой аспект контекстуализма как одной из наиболее распространенных альтернатив эпистемическому скептицизму. Мы установили некоторые проблемы, с которыми сталкиваются существующие сегодня конкретные реализации контекстуалистской семантики. Выявив в качестве одного из главных аспектов контекстуалистской позиции не только установление зависимости критериев легитимности используемого субъектом обоснования от контекста, но и требование, что эти критерии задаются тем, кто оценивает аскрипцию знания на истинность (судья, а не субъект знания или тот, кто знание приписывает), мы сформулировали собственный взгляд на семантику глагола «знать», которая не только не содержит недостатков предшествующих теорий, но и имеет ряд преимуществ.

Список литературы

Вострикова, Куслий, 2016 – *Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Открывая логический анализ языка заново // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 50. № 4. С. 8–20.

Фреге 2000 – *Фреге Г.* О смысле и значении. Фреге Г. Логика и логическая семантика / Пер. с нем. Б.В. Бирюкова. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–246.

Геттиер 1998 – Геттиер Э. Является ли знание истинное и обоснованное мнение? // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М.: Дом интеллект. книги: Прогресс-Традиция, 1998. С. 231–233.

Касавин 2019 – Касавин И.Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 6–19.

References

Cohen, 1987 – Cohen, S. “Knowledge, Context, and Social Standards”, *Synthese*, 1987, vol. 73, pp. 3–26.

Cohen, 1999 – Cohen, S. “Contextualism, Skepticism, and the Structure of Reasons”, *Philosophical Perspectives*, 1999, vol. 13, pp. 57–89.

DeRose, 1992 – DeRose K. “Contextualism and Knowledge Attributions”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 1992, vol. 52, no. 4, pp. 913–929.

DeRose, 1995 – DeRose, K. “Solving the Skeptical Problem”, *The Philosophical Review*, 1995, vol. 104, no. 1, pp. 1–52.

DeRose, 2004 – DeRose K. “Single Scoreboard Semantics”, *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 2004, vol. 119, no. ½, pp. 1–21.

DeRose, 2009 – DeRose, K. *The Case for Contextualism: Knowledge, Skepticism, and Context*, vol. 1. NY, 2009. 288 p.

Frege 2000 – Frege G. “O smysle i znachenii” [On sense and denotation]. In: G. Frege. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow: Aspekt- Press, 2000, pp. 230–246. (In Russian)

Gettier, E. “Yavlyaetsya li znanie istinnoe i obosnovannoe mnenie?” [Is Justified True Belief Knowledge?], in: Gryaznov A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: The Rise and Development]. Moscow: Progress, 1998, pp. 231–233. (In Russian)

Goldman, 1976 – Goldman, A. “Discrimination and Perceptual Knowledge”, *Journal of Philosophy*, 1976, vol. 73 (20), pp. 771–791.

Greco, 2004 – Greco, J. “A Different Sort of Contextualism”, *Contextualisms in Epistemology*, Springer, Dordrecht, 2004, pp. 241–258.

Greco, 2009 – Greco, J. “Knowledge and Success From Ability”, *Philosophical Studies*, 2009, 142 (1), pp. 17–26.

Greco and Turri, 2017 – Greco, J., Turri, J. “Virtue Epistemology”, in: Zalta E. (ed.). *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2017. [https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/epistemology-virtue/, accessed on 20.07.2021].

Grindrod et al., 2019 – Grindrod, J., Andow, J., Hansen, N. “Third-person Knowledge Ascriptions: A Crucial Experiment for Contextualism”, *Mind & Language*, 2019, vol. 34, no. 2, pp. 158–182.

Hawthorne, 2004 – Hawthorne, J. *Knowledge and Lotteries*. New York: Oxford University Press, 2004, 216 pp.

Heim and Kratzer, 1998 – Heim, I., Kratzer, A. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell, 1998, 338 pp.

Kasavin, 2019 – Kasavin, I.T. “Epistemologiya dobrodetelei: k sorokaletiyu povorota v analiticheskoi filosofii” [Virtue Epistemology: On the 40th Anniversary of The turn in Analytical Philosophy], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 6–19. (In Russian)

Lehrer, 2000 – Lehrer, K. *Theory of Knowledge*, 2nd ed. Westview Press, Boulder, CO. 2000, 272 pp.

Lewis, 1996 – Lewis, D. “Elusive Knowledge”, *Australasian Journal of Philosophy*, 1996, vol. 74, no. 4, pp. 549–567.

MacFarlane 2005 – MacFarlane, J. “The Assessment Sensitivity of Knowledge Attributions”, *Oxford Studies in Epistemology*, 2005, vol. 1, pp. 197–233.

Milikan, 1984 – Millikan, R.G. “Naturalist Reflections on Knowledge”, *Pacific Philosophical Quarterly*, 1984, vol. 65, pp. 315–334.

Partee, 2011 – Partee, B. “Formal Semantics: Origins, Issues, Early Impact”, *Formal Semantics and Pragmatics: Discourse, Context, and Models*, 2011, vol. 6, pp. 1–52.

Riggs, 2002 – Riggs, W. “Reliability and the Value of Knowledge”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2002, vol. 64, pp. 79–96.

Schaffer & Szabo, 2014 – Schaffer, J., Szabó, Z.G. “Epistemic Comparativism: A Contextualist Semantics for Knowledge Ascriptions”, *Philosophical Studies*, 2014, vol. 168, no. 2, pp. 491–543.

Schaffer, 2015 – Schaffer, J. “Lewis on Knowledge Ascriptions”, in: Lower, B.A. and Schaffer, J. (eds.) *A Companion to David Lewis*. Oxford, 2015, pp. 473–490.

Sosa, 1991 – Sosa, E. *Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology*. New York, 1991, 298 pp.

Sosa, 2007 – Sosa, E. *Apt Belief and Reflective Knowledge, Vol. 1: A Virtue Epistemology*. Oxford, Oxford University Press, 2007, 168 pp.

Stanley, 2004 – Stanley, J. “On the Linguistic Basis for Contextualism”, *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, 2004, vol. 119, no. ½, pp. 119–146.

Stanley, 2005 – Stanley, J. *Knowledge and Practical Interests*. New York, 2005, 191 pp.

Turri, 2011 – Turri, J. “Manifest Failure: The Gettier Problem Solved”, *Philosophers’ Imprint*, 2011, vol. 11 (8), pp. 1–11.

Turri, 2016 – Turri, J. “Knowledge and Assertion in ‘Gettier’ Cases”, *Philosophical Psychology*, 2016, vol. 29 (5), pp. 759–775.

Vostrikova, Kusliy, 2016 – Vostrikova, E., Kusliy, P. “Otkryvaya logicheskii analiz yazyka zanovo” [Rediscovering the Logical Analysis of Language], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. 50, no. 4, pp. 8–20 (In Russian)